

Китайская модель государственно – конфессиональных отношений

В статье рассматриваются особенности взаимодействия китайского государства с религиозными объединениями на разных этапах развития Китая. Автор раскрывает логику развития государственно-конфессиональных отношений (ГКО), базовой основой которых являются меняющиеся представления о религии, ее роли в жизни общества. На основе этих представлений формируется вероисповедная политика, создается правовое поле, в рамках которого осуществляют свою деятельность религиозные объединения, учреждаются административные органы, контролирующие религиозную сферу. Автор подчеркивает, что определить тип ГКО в Китае с помощью теоретических подходов, принятых в современной науке, затруднительно, так как в Китае во всех сферах проявляется своя «китайская специфика».

Ключевые слова: *государственно-конфессиональные отношения, субъекты отношений, светское государство, конфессиональное государство, свобода совести и вероисповедания, вероисповедная политика, религиозные патриотические ассоциации, китаизация религий.*

Религиоведы и правоведы подразделяют государства на два типа – *конфессиональные* и *светские*. Если в конфессиональном государстве одна из конфессий сама руководит страной – это *теократия*. Если одна из конфессий включена в систему органов власти и управления, то это – *государственная религия*. В *светских* государствах можно выделить три основных типа государственно-конфессиональных отношений (ГКО):

1. *Сегрегационный тип* характерен для атеистического государства. Религия рассматривается как отрицательное явление, ее роль в обществе максимально ограничена.

2. *Сепарационный тип* предполагает нейтральность государства в отношении религии и религиозных объединений, взаимное

невмешательство в деятельность друг друга при условии соблюдения законодательства.

3. *Кооперационный тип* характеризуют отношения социального партнерства, государство решает социальные проблемы совместно с религиозными объединениями [14]. Совокупность исторически сложившихся взаимосвязей между государством и религиозными объединениями принято называть *государственно-конфессиональными отношениями* (ГКО).

Субъектами ГКО, таким образом, являются государство и религиозные объединения (конфессии). Государство принимает законы, регулирующие религиозную сферу, следит за их исполнением, проводит вероисповедную политику. Религиозные конфессии определенным образом реагируют на вероисповедную политику государства: они либо поддерживают государство, если его политика не ущемляет права верующих и не препятствует удовлетворению религиозных потребностей людей, либо уходят в оппозицию, и даже в «подполье», если вероисповедная политика не отвечает их интересам.

Китай – древняя цивилизация со своим укладом и своими традициями. Исторически Китаю в большей степени присуще наличие философских концепций, нежели религий как таковых. В *императорском Китае* на протяжении почти двух тысяч лет роль религии и основы государственности исполняло конфуцианство. Но конфуцианство не религия, это философско-этическое учение, включающее в себя культ императора и культ предков. Традиционной китайской религией является даосизм. Этническое самосознание китайцев не закрыто для чужих религий. Китайцы охотно принимают «новое и чужое», если оно не разрушает существующий порядок, не нарушает «гармонию», понимаемую в самом широком смысле. На таких условиях в Китайской империи существовали пришлые религии – христианство, ислам и буддизм. К тому же буддизм успешно прошел «китаизацию», образовав одно из его направлений – *ханьский буддизм*.

Государство проявляло веротерпимость, от приверженцев религий требовалась лишь лояльность. Назвать Китайскую империю конфессиональным государством нельзя, потому что конфуцианство в строгом смысле религией не является. Тем более нельзя назвать его светским государством, поскольку идеи о светском государстве появились в Европе эпохи Просвещения, а реализовались эти идеи и того позже. В Китае же этот вопрос был поднят лишь в начале XX века. Императорский Китай не вписывается в типологию государств «конфессиональное – светское».

Новый период в истории Китая начался после Синьхайской революции (1911–1912 г. г.), целью которой было свержение династии Цин и установление демократической республики. Официальный культ Конфуция был отменен в 1928 году. Разрушив империю, правительство Гоминьдан задалось целью уничтожить ее идеологическую основу. Что касается существовавших в Китае религиозных общин, то власти проявили к ним определенную терпимость. В 1930 году вышел нормативный акт «Общие организационные принципы объединений культуры», который распространялся и на религиозные объединения. Им придавался статус учреждений культуры и тем самым они включались в правовое поле. С.А. Горбунова отмечает: «С точки зрения взаимоотношений религии и государства, гоминьдановский период можно рассматривать как качественно новый по сравнению с императорским, – именно в 30-е гг. XX в. в основном законе страны впервые была декларирована свобода вероисповедания» [6]. ГКО в этот период имеют признаки сепарационного типа, а само государство можно назвать светским.

Победа китайских коммунистов в гражданской войне ознаменовалась провозглашением в 1949 году Китайской Народной Республики (КНР). Пришедшие к власти коммунисты провозгласили курс на социализм. В период правления *Мао Цзэдуна (1949–1976)* коммунисты строили новое государство во многих отношениях по советскому образцу. Краеугольным камнем государственного стро-

ительства стала марксистско-ленинская идеология. На концептуальном уровне в трактовке религии была принята марксистская «теория опиума» (япьянь лунь), согласно которой религия – «опиум народа», она препятствует трудящимся массам включиться в борьбу за свое освобождение. Однако на идеологическое неприятие религии накладывались соображения политической целесообразности: компартии необходима была поддержка верующих как в ходе гражданской войны, так и после нее.

Вероисповедная политика компартии Китая (КПК) в этот период осуществлялась под лозунгом свободы вероисповеданий, но на практике религиозные объединения были поставлены под жесткий партийно-государственный контроль. Прежде всего власти запретили деятельность миссионерских организаций, а иностранные миссионеры были высланы из страны. Сюн Цзыцзянь, научный сотрудник государственного университета Чжэнчжи (Тайвань), по этому поводу пишет: «После прихода к власти китайская компартия рассматривала католиков и различные протестантские деноминации как пособников империалистической агрессии и участников составления неравноправных договоров, заключенных между правительством Цинской империи и государствами Запада» [11]. Власти принимали меры по искоренению иностранного влияния на верующих.

Особенностью правовой сферы КНР стал приоритет решений компартии Китая над законом. Это касается и государственно-конфессиональных отношений, которые выстраивались преимущественно на директивах компартии и нормативных актах правительства, юридический статус которых ниже, чем у закона. Конституция КНР 1954 года провозгласила свободу вероисповеданий (статья 88), хотя на практике этот принцип реализован не был. Для руководства религиозной сферой была создана Государственная Администрация по делам религий, которая выполняла посреднические функции между партийным государством и религиозными объединениями. Некоторые религиозные

организации КНР предприняли попытку приспособиться к новым историческим условиям путем объединения в патриотические ассоциации по конфессиональному признаку. В 1953 году были созданы Буддийская ассоциация Китая и Китайская исламская ассоциация. В 1954 году в патриотическую ассоциацию объединились китайские протестанты. В феврале 1957 года часть китайских католиков по примеру протестантов объявили о создании Китайской Католической Патриотической Ассоциации (ККПА). Они объявили о разрыве политических и административных связей с Ватиканом при сохранении основ вероучения Римско-католической церкви. Любые контакты с Ватиканом были запрещены. В том же 1957 году была учреждена Китайская ассоциация последователей даосизма. Православные Китая своего патриотического объединения в то время создать не смогли по причине внутренних разногласий.

Казалось бы, в атеистическом государстве, каким стал Китай с приходом к власти коммунистов, ГКО должны были складываться по *сегрегационному типу*. Но и здесь проявляется «китайская специфика»: партийное государство стремится наладить отношения с религиозными ассоциациями по кооперационному типу. Власти привлекают религиозных деятелей к сотрудничеству и даже включают их в органы власти. Например, второе лицо в тибетском буддизме Панчен-лама X был избран членом Постоянного Комитета Всекитайского собрания народных представителей (высший законодательный орган КНР), а в декабре 1954 года – заместителем председателя Народного политического консультативного совета КНР.

Далеко не все верующие Китая вошли в состав патриотических ассоциаций. Значительная часть китайских католиков и открыто выражала свое несогласие, за что подвергалась репрессиям и стала «катакомбной церковью». Часть даосов во главе с «Небесным наставником» эмигрировала в Тайвань. После тибетского восстания 1959 года бежал в Индию глава тибетских буддистов Далай-

лама XIV. Значительная часть протестантов образовала так называемые «домашние церкви». Эти верующие не хотели вступать в отношения с государством и остались вне правового поля.

Попытки религиозных объединений КНР наладить отношения с государством были прерваны в годы «культурной революции», одним из аспектов которой стала борьба с «идеологией феодально-теократического гнета». Религия фактически оказалась под запретом. Администрация по делам религии была ликвидирована, патриотические ассоциации распущены, сотни храмов и монастырей разрушены, миллионы верующих и священнослужителей были репрессированы или убиты. Уничжительной критике подвергнулся Конфуций и его учение, поскольку оно противоречило учению Мао. «Великая пролетарская культурная революция» разрушила религиозную сферу, нанесла огромный ущерб традиционной китайской культуре, затронула судьбы более ста миллионов человек. Только со смертью Мао Цзэдуна в 1976 году китайское общество смогло остановить эти бесчинства и приступить к реформам.

Второе поколение китайских руководителей во главе с Дэн Сяопином (1976–1989) провозгласило политику «реформ и открытости». Прокладывая новый путь к социализму, руководство КНР обратилось к традиционным китайским ценностям. В теорию построения «социализма с китайской спецификой» были встроены элементы конфуцианского учения об обществе *сяокан* («малое процветание», «малое благоденствие»). Достижение уровня *сяокан* стало главной задачей китайских коммунистов. «Реабилитация» Конфуция проводилась на общенациональном уровне. В 1984 году в КНР был создан Китайский конфуцианский фонд, финансируемый государством. В стране стали проводиться ежегодные фестивали Конфуция, в которых принимают участие высшие партийные и государственные деятели. По всему миру стали открываться Институты Конфуция, которые китайские власти рассматривали в качестве «мягкой силы», продвигающей интересы КНР в мире.

«Для создания позитивного имиджа нового Китая эпохи реформ, — отмечает А.Б. Захарьин, — компартия делает все, чтобы не выглядеть более борцом с религиями и проводит либерально-разрешительную религиозную линию» [8, 84]. Руководством к действию стало Постановление ЦК КПК 1982 года «Основные точки зрения и политика партии в отношении религии при социализме», для краткости именуемое как «Документ 19» [2]. В основу вероисповедной политики КНР в этот период был заложен «принцип взаимного соответствия религий и социалистического общества». Согласно этому принципу, религиозные граждане должны быть патриотами, поддерживать социалистический строй и руководство КПК, религиозная деятельность должна отвечать интересам государства, толкование религиозных учений должно способствовать общественному прогрессу. Только при соблюдении этих условий государство может гарантировать свободу вероисповеданий, а социалистическое общество и религии могут прийти к взаимному соответствию. При этом упоминалось о необходимости борьбы с «отрицательными» проявлениями религии.

Специфическим вопросом политики стал вопрос об отношении правящей компартии к религии. Является ли религия «опиумом народа»? Какие средства (административные и политические) должно использовать правительство для поощрения (или подавления) влияния религии в обществе? Споры о религии в среде китайских обществоведов получили ироничное название «третьей опиумной войны». В итоге вопрос о различии социализма и религии был объявлен «вторичным», обществоведы начали активно разрабатывать «теорию адаптации религии к социализму», которая «позволяет разрешить противоречие между теорией и реальностью» и станет «теоретической основой для развития и сосуществования атеистической правящей партии и теистических масс».

Положение о свободе вероисповедания закреплено в Конституции КНР 1982 года (статья 36): «Граждане *Китайской Народной*

Республики имеют свободу вероисповедания. Никаким государственным учреждениям, общественным организациям и отдельным лицам не допускается принуждать граждан исповедовать религию или не исповедовать религию. Не допускается дискриминация исповедующих религию граждан и не исповедующих религию граждан. Государство охраняет нормальную религиозную деятельность. Никому не допускается использовать религию для осуществления деятельности по подрыву общественного порядка, для причинения ущерба телесному здоровью граждан, для препятствования системе государственного образования. Религиозные братства и религиозные силы не должны подвергаться воздействию зарубежных сил» [3].

10 февраля 1979 года был восстановлен Отдел по делам религии при Госсовете КНР, переименованный в дальнейшем в Государственное управление по делам религий (ГУДР). В соответствии со своими функциями ГУДР обязано защищать права верующих на свободу вероисповеданий, соблюдать законные интересы религиозных общин, содействовать им в создании учебных заведений и обучении служителей культа в патриотическом духе и препятствовать антигосударственной деятельности религиозных общин. Партийное государство содействовало возобновлению деятельности лояльных религиозных патриотических ассоциаций, возвращало из тюрем и ссылки религиозных деятелей, возвращало религиозным организациям их собственность, вкладывало огромные средства в восстановление храмов и монастырей. Религиозные организации получили возможность создавать свои учебные заведения, издавать богослужебную литературу, налаживать контакты с зарубежными единоверцами. Члены ЦК КПК и правительства постоянно принимали участие в работе съездов религиозных объединений, руководство КНР ежегодно проводило встречи с главами религиозных конфессий.

Конечно, все это имело отношение к официально признанным религиозным объединениям. Верующие «домашних» и «катаком-

бных» церквей таких прав не имели, но они практически открыто могли исповедовать свою веру и собираться на богослужения, Выйдя из тени, эти верующие образовали так называемую «серую зону» в религиозной сфере КНР. В этой зоне прижились также многочисленные новые секты, как иностранного происхождения, так и автохтонные. Период либерализации в истории КНР отмечен беспрецедентным ростом числа верующих, особенно христиан. Таким образом, не будет преувеличением говорить о возрождении религиозной жизни в КНР в период правления Дэн Сяопина и его преемника Цзян Цзэминя (1989–2002). Отношения партийного государства с официально признанными религиозными объединениями складывались по кооперационному типу, а с «серой зоной» – по *сепарационному типу*. В целом же такую модель ГКО можно было бы условно назвать *гибридной*.

Четвертое поколение китайских руководителей во главе с Ху Цзиньтао (2002–2013) определило курс на построение «гармоничного общества», а его преемник Си Цзиньпин (с 2013 по наст. время) провозгласил новый лозунг КНР – это «китайская мечта о великом возрождении китайской нации». Но политика либерализации, проводимая их предшественниками, породила в общественно-политической жизни КНР ряд побочных явлений, которые, с точки зрения китайских властей, не только не соответствуют гармоничному обществу и китайской мечте, но и представляют собой угрозу национальной безопасности. Это проблема так называемых «трех зол» – сепаратизма, терроризма и религиозного экстремизма.

Сложная ситуация сложилась в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), где основная масса населения исповедует ислам. Л.В. Васильев обращает внимание на то, что «религиозный экстремизм в этом районе теснейшим образом связан с проблемой терроризма и этнического сепаратизма. Практически все резонансные теракты в КНР совершаются членами уйгурских экстремистских организаций» [5, 97]. Проблема сепаратизма и экстремизма проявляет себя и в Тибетском Автономном Районе (ТАР), население

которого исповедует тибетский буддизм. Крупные восстания произошли здесь в 1987–1989 годах, так что власти КНР были вынуждены ввести в Тибете военное положение. Возмущение и протесты верующих вызывают факты вмешательства властей в сугубо религиозные вопросы. Так, например, с 1 сентября 2007 года вступил в силу Указ №5 ГУДР «Меры по управлению реинкарнацией живых Будд в тибетском буддизме». Очередной тибетский мятеж произошел в 2008 году.

Требовала решения также проблема «домашних церквей» и религиозного сектантства. Эти религиозные структуры (преимущественно христианского и псевдохристианского толка) находятся вне контроля со стороны государства, являются проводниками западного влияния и находятся в оппозиции правительству. Религиозным общинам, образующим «серую зону», было предложено войти в официально признанные ассоциации, в противном случае их ожидала «зачистка». Еще в конце 2013 года в КНР стартовала кампания по сносу крестов и церквей. Под удар попали в основном домашние церкви, но были случаи, когда страдали и лояльные к государству общины. Власти на местах препятствовали приобретению или аренде общинами молитвенных зданий, собрания на квартирах не разрешались, нарушителей подвергали штрафам и арестам. Китайские христиане опасаются, что это только прелюдия к более жестким действиям властей.

Проводимые в КНР исследования в религиозной сфере показали, что традиционная культура, разрушенная в годы культурной революции, была сдерживающим фактором для распространения христианства в Китае. При формировании новой вероисповедной политики выбор КПК пал на конфуцианство. Л.С. Переломов приводит мнение известного китайского ученого и политика Сюй Цзяло, который утверждает, что «в период глобализации и навязывания всему миру американских ценностей единственным средством сохранения китайской цивилизации является воспитание молодежи в духе национальных духовных традиций, сосредоточенных

в конфуцианских канонах» [9, 9]. Партийные идеологи пришли к выводу, что конфуцианство и марксизм не антиподы, они дополняют друг друга, а некоторые адепты конфуцианства, например Цзян Цин, выступают за придание конфуцианству статуса государственной религии [7, 72–108]. Сторонники конфуцианства не призывают к запрету других религий, но объявляют их «частным делом» граждан.

Некоторые религиоведы усматривают плюсы в многообразии религий. Например, Хэ Цимин рассуждает о преимуществах «стабильной многоконфессиональной модели». По ее мнению, «чем больше религиозных организаций, тем больше возможностей выбора у верующих и тем больше вероятность удовлетворения индивидуальных религиозных потребностей. С другой стороны, чем меньше число последователей определенной религиозной организации, тем меньше ее социальная энергия и тем слабее ее влияние на социальную структуру общества или ее разрушительная сила. Если социальные требования одной из многих религиозных групп противоречат тенденции развития общества, то это не станет фундаментальной угрозой для всего общества. Хотя стабильная многоконфессиональная модель будет в определенной степени увеличивать нагрузку на управленческие дела правительства, общие выгоды будут перевешивать недостатки» [13].

На Всекитайском совещании по религиозной работе (Пекин, 22–23 апреля 2016 г.) Си Цзиньпин потребовал от религиозных организаций «китаизации исповедуемых вероучений». Патриотические религиозные ассоциации восприняли это требование как руководство к действию. Смысл этого процесса отражен в статье Л.А. Афониной [4]. Религиозные ассоциации стали принимать «пятилетние планы китаизации». Например, «Пятилетний рабочий план развития китаизации католицизма (2018–2022 г.г.)» содержит такие пункты, как создание китайских католических богословских идей, формирование теоретической основы китаизации католицизма, изыскание общих мест в католической вере и традицион-

ной китайской философии, проведение богословских конференций по китаизации католицизма, подготовку специалистов, способных проповедовать Евангелие через призму китайской культуры, истолкование догматов с учетом тенденций развития страны и традиционной культуры Китая. Даже храмовые здания, живопись и музыка должны быть переориентированы в сторону китайских традиций в искусстве. Церковные обряды тоже должны быть адаптированы под китайскую специфику, для этого следует создать специалистов для разработки плана китаизации обрядовой стороны.

Не трудно заметить, что «китаизация» религии ведет к выхолащиванию из религии ее собственно религиозного содержания, ее сакрального смысла и ее подлинного предназначения. Как верно отметила Л.А. Афонина, перед китайским руководством «стоит задача снизить степень исходящей от религий идеологической угрозы, поэтому ведется борьба с религией в чистом виде, создается ее гибридная форма» [5, 73]. Патриотические ассоциации (их деятельность финансируется из бюджета) вместо того, чтобы защищать религию и интересы верующих, стали инструментом вероисповедной политики партийного государства. Китайские власти вмешиваются в сферы, которые находятся вне компетенции светского государства.

В феврале 2018 года на 3-ем пленуме ЦК КПК 19-го созыва было принято решение упразднить ГУДР как орган прямого подчинения Госсовету КНР и включить его в состав Отдела единого фронта ЦК КПК. Эти политические решения были закреплены на законодательном уровне в марте 2018 года в Пекине, на ежегодной сессии Всекитайского Собрания Народных Представителей. Это означает, что ГУДР перестал существовать как орган исполнительной власти и превратился в часть партийного аппарата. То есть государственно-конфессиональные отношения в КНР все более становятся партийно-конфессиональными отношениями.

В апреле 2018 года вместо долгожданного Закона о религии пресс-канцелярия Госсовета КНР опубликовала так называемую

Белую книгу – «Политика и практика обеспечения свободы вероисповеданий в Китае» [1]. Документ описывает «благоприятные условия», созданные для китайских верующих под руководством КПК. В документе подчеркивается, что «китайские религиозные круги, твердо придерживаясь курса китаизации религий, претворяют в жизнь основные ценностные представления социализма, распространяют лучшие традиции китайской нации, а также всегда находятся в активном поиске религиозных идей, соответствующих китайским реалиям».

Таким образом, можно сделать вывод, что китайская модель ГКО очень гибкая. Не будучи связанной жесткими законодательными рамками, она меняет свою конфигурацию в соответствии с социально-политическими изменениями в КНР. Неизменными остаются руководство религиозной сферой со стороны КПК («атеистическая партия руководит теистическими массами») и запрет на «проникновение иностранного влияния под предлогом религии». Китай, пережив бурные потрясения в XX веке, переварив чужие идеи и технологии и обогатившись ими, возвращается к своим традиционным ценностям, видя в них опору на пути «великого возрождения китайской нации».

Литература:

1. *Белая книга Госсовета КНР «Политика и практика обеспечения свободы вероисповедания в Китае».* – Текст : электронный. – URL: http://www.Russian.news.cn/2018-05/25/c_137206040.htm (дата обращения 11.10.2020).

2. *«Основные взгляды и основополагающая политика по религиозным вопросам в период социализма в Китае» (Документ ЦК КПК №19 за 1982 г).* – Текст : электронный. – URL: <http://www.sara.gov.cn/zcfg/zc/497.htm> (дата обращения: 14.02.2019).

3. *Конституция КНР 1982 г (с изменениями 1988, 1993, 1999, 2004 гг.).* – Текст : электронный. – URL: <http://chinalawinfo.ru/>

constitutional_law/constitution/constitution_ch2 (дата обращения 13.04.2019).

4. Афонина, Л. А. Развитие политики «китаизации религии». – Текст : непосредственный // 70 лет современному китайскому государству : материалы ежегод. науч. конф. Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. – М. : ИДВ РАН, 2019. – С. 63–78.

5. Васильев, Л. В. О некоторых аспектах борьбы Китая с силами «трех зол». – Текст : непосредственный // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – Вып. XXII. – М. : ИДВ РАН, 2018. – С. 92–106.

6. Горбунова, С. Л. Законодательные инициативы гоминьдановского правительства в сфере религий. – Текст : электронный. – URL: http://www.synologia.ru/a/Законодательные_инициативы_гоминьдановского_правительства_в_сфере_религий (дата обращения 11.10.2020).

7. Гордон, А. В. Трансформация конфуцианства в национальную религию современного Китая: взгляды Цзян Цинна. – Текст : непосредственный // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9: востоковедение и африканистика : реферативный журнал. – 2019. – № 1. С. 72–108.

8. Захарьин, А. Б. Особенности религиозной политики в КНР в XX веке. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2015. – № 1. – С. 82–96.

9. Переломов, Л. С. Качественно новый этап соучастия конфуцианства в политической культуре КПК. – Текст : непосредственный // 3-ий пленум ЦК КПК 18 созыва: новое руководство и стратегия реформ. – М. : ИДВ РАН, 2014. – С. 8–11.

10. Син Фуцзэн. Дискуссия об отношении между политикой и религией в современном Китае. – Текст : электронный. – URL: <http://www.csscrc.org/files/c%204.2%20passage.pdf> (дата обращения 13.03.2019)

11. Сюн Цзыцзян. Организационные структуры и деятельность «Китайской патриотической католической церкви» и «Китайского католического синода». – Текст : электронный // Китайский благовестник 2/99. – URL: http://yakov.works/history/20/iz_istori/china/html (дата обращения 24.04.2019).

12. Фредерик Фелльман. Полезен ли «опиум»? «Адаптированная религия» и «гармония» в современном Китае. – Текст : непосредственный // Новые научные подходы к изучению религий Китая (современное зарубежное религиоведение) : сб. статей. – М. : ИДВ РАН, 2013. – С. 10–48.

13. Хэ Цимин. О взаимодействии религии и политики. – Текст : электронный // Китайская религиоведческая академическая сеть. – 24 ноября 2009 года. – URL: <https://treasure.churchnews.info/2019/04/01/37657/> (дата обращения 17.04.2019).

14. Шахов, М. О. Правовые основы деятельности религиозных объединений в Российской Федерации. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2013. – 528 с. – Текст : непосредственный.

Priest V.N. Gelyuta

Chinese model of state-confessional relations

The article examines the features of the interaction of the Chinese state with religious associations at different stages of China's development. The author reveals the logic of the development of state-confessional relations (SCR), the basis of which is changing ideas about religion, its role in the life of society. On the basis of these ideas, a religious policy is formed, a legal framework is created within which religious associations operate, and administrative bodies are established to control the religious sphere. The author emphasizes that it is difficult to determine the type of SCR in China using the theoretical approaches adopted in modern science, since China has its own «Chinese specificity» in all areas.

Key words: state-confessional relations, subjects of relations, secular state, confessional state, freedom of conscience and religion, religious policy, religious patriotic associations, sinicisation of religions.

References:

1. *White Paper, 2018. Politika i praktika obespecheniya svobody veroispovedaniya v Kitae [China's Policies and Practices on Protecting Freedom of Religious Belief] Available at: http://Russian.news.cn/2018-05/25/c_137206040.htm (accessed: 11.10.2020). (In Russian).*

2. *Document No. 19 of the Central Committee of the CPC, 1982 Osnovnye vzglyady i osnovopolagayushchaya politika po religiozным voprosam v period socializma v Kitae [Basic views and fundamental policy on religious issues during the period of socialism in China]. Available at: <http://www.sara.gov.cn/zcfg/zc/497.htm> (accessed: 14.02.2019). (In Russian).*

3. *The PRC Constitution of 1982 – Konstituciya KNR 1982 g. (s izm. 1988, 1993, 1999, 2004 gg.) [The Constitution of the People's Republic of China, 1982 (as amended in 1988, 1993, 1999, 2004)]. Available at: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law /constitution/constitution_ch2 (accessed: 13.04.2019). (In Russian).*

4. *Afonina L.A. Razvitie politiki «kitaizacii religii» [Development of the policy of «Sinification of religion»] // 70 years of the modern Chinese state. Materials of the annual scientific conference of the Center for Political Studies and Forecasts, IFES RAS. Moscow, 2019, pp. 63–78. (In Russian).*

5. *Vasiliev L.V. O nekotoryh aspektah bor'by Kitaya s silami «trekh zol» [On some aspects of China's struggle against the forces of «three evils»] // China in world and regional politics. History and modernity. Issue XXII. Annual edition. Moscow, 2018, pp. 92–106. (In Russian).*

6. *Gorbunova S.L. Zakonodatel'nye iniciativy gomin'danovskogo pravitel'stva v sfere religij [Legislative Initiatives of the Kuomintang Government in the Sphere of Religions] Available at:*

http://www.synologia.ru/a/Legal_initiatives_of_the_Kuomintang_Government_in_the_sphere_religions (accessed: 11.10.2020). (In Russian).

7. Gordon A.V. *Transformaciya konfucianstva v nacional'nyyu religiyu sovremennogo Kitaya: vzglyady Czyan Cina [Transformation of Confucianism into the national religion of modern China: the views of Jiang Qing] / Social and human sciences. Domestic and foreign literature. Ser. 9: Oriental Studies and African Studies. Abstract journal. 2019. No. 1, pp. 72–108. (In Russian).*

8. Zakharyin A.B. *Osobennosti religioznoj politiki v KNR v XX veke [Features of religious policy in the PRC in the XX century] // Bulletin of Moscow University. Series 13. Oriental studies. 2015, No. 1, pp. 82–96. (In Russian).*

9. Perelomov L.S. *Kachestvenno novyj etap souchastiya konfucianstva v politicheskoy kul'ture KPK [A qualitatively new stage in the complicity of Confucianism in the political culture of the CPC] // 3rd plenum of the 18th CPC Central Committee: new leadership and reform strategy.» Moscow, 2014, pp. 8–11. (In Russian).*

10. Xing Fuzeng. *Diskussiya ob otnoshenii mezhdu politikoj i religiej v sovremennom Kitae [Discussion about the relationship between politics and religion in modern China]. C.9. Available at: <http://www.cscrc.org/files/c%204.2%20passage.pdf> (accessed: 13.03.2019). (In Chinese).*

11. Xiong Zijiang. *Organizacionnye struktury i deyatel'nost' «Kitajskoj patrioticheskoy katolicheskoy cerkvi» i «Kitajskogo katolicheskogo sinoda» [Organizational structures and activities of the «Chinese Patriotic Catholic Church» and «Chinese Catholic Synod»] // Chinese evangelist 2/99. Available at: http://yakov.works/history/20/iz_istori/china/html (accessed: 04.24.2019). (In Russian).*

12. Frederick Fellman. *Polezen li «opium»? «Adaptirovannaya religiya» i «garmoniya» v sovremennom Kitae [Is opium good for you? «Adapted religion» and «harmony» in modern China] // New scientific approaches to the study of religions in China (modern foreign religious studies). Sat. articles. Moscow, 2013, pp. 10–48. (In Russian).*

13. He Qiming. *O vzaimodejstvii religii i politiki [On the interaction of religion and politics]* // *Chinese Religious Academic Network*. November 24, 2009 Available at: <https://treasure.churchnews.info/2019/04/01/37657/> (accessed: 04.17.2019). (In Chinese).

14. Shakhov M.O. *Pravovye osnovy deyatel'nosti religioznyh ob»edinenij v Rossijskoj Federacii [Legal framework for the activities of religious associations in the Russian Federation]*. Moscow, 2013, 528 p. Chapter 1. *Foundations of the theory of state-confessional relations*. (In Russian).